

В. М.
ДОРОШЕВИЧ

Избранное

Старая театральная Москва

Влас Дорошевич
«Саша Давыдов»

«Public Domain»

1911

Дорошевич В. М.

«Саша Давыдов» / В. М. Дорошевич — «Public Domain»,
1911 — (Старая театральная Москва)

«Пусть на этом скромном надгробном памятнике, моем фельетоне,
будет ласковое имя, каким его звали, под которым его любили.
Лентовский рассказывал, как создавался «давыдовский жанр»...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Влас Михайлович Дорошевич «Саша Давыдов»¹

* * *

Пусть на этом скромном надгробном памятнике, моем фельетоне, будет ласковое имя, каким его звали, под которым его любили.

Лентовский рассказывал, как создавался «давыдовский жанр»:

– «Приехал ко мне тенор Давыдов. Хороший голос, умеет петь. Отлично поёт все ноты, которые написаны в партии. У нас ставили тогда „Малабарскую вдову“. Иду как-то на репетиции за кулисами, слышу, Давыдов напевает:

У на-бэ-бэ-бэ друзья,
Ждёт на славу угощенье.

Что такое? Словно простое белое вино закипело, заискрилось, как шампанское! Спрашиваю:

– Что ты поёшь?

– Так. Из „Вдовы“. Дурачусь.

– Ну-ка, полным голосом!

Спел.

Это не то, что написал композитор. Но это гораздо лучше.

– Дурачься так всегда!»

И Лентовский отдал приказ:

– Предоставить Давыдову петь, как он хочет.

С тех пор Давыдов начал петь, «как бог на душу положит».

И оперетка:

– Закипела и заискрилась, как шампанское.

Нечто подобное было с Мазини.

Верди захотел послушать знаменитого тенора.

Тот явился к великому композитору.

И начал петь ему из его опер.

Верди слушал, слушал:

– Бог тебя знает, что ты поёшь! Я ничего подобного не писал. Но это лучше того, что я писал. Так и пой.

Мне недаром вспомнилось имя Мазини.

Давыдов был «придворным певцом короля теноров».

Я жил в Москве, в гостинице «Лувр», рядом с Мазини.

И однажды вдруг услышал в номере Мазини пение Давыдова.

Я слышал, как Мазини аплодировал Давыдову.

Аплодировал один на один.

Просил его спеть ещё и ещё.

И заплатил ему за цыганские романсы серенадой из «Искателей жемчуга».

Таково было свидание «королей».

Один был «королём оперных теноров».

Другой – «королём опереточных».

Разница между ними была такая же, как между германским императором и князем монакским.

Но оба были королями «милостью божией».

Королями от рождения.

Природа дала и тому, и другому:

прекрасный голос, такую постановку голоса, какой не мог бы дать самый лучший профессор, бездну вкуса.

И помазала их:

– Талантом пения.

В тембре Давыдова было нечто «мазиньевское».

Благодаря природной постановке голоса, они пели так долго.

И даже в старости они сохранили ту «приятную сипотцу», которую слушать всё же было сладко.

Чтоб совсем походить на Мазини, Давыдов после «королевского свидания» отпустил себе бороду, остриг её а-ля-Мазини.

Стал с тех пор надвигать себе шапку на ухо:

– Как делал Мазини.

И так снялся.

О, ребёнок!

Давыдов был опереточным артистом «первого призыва».

Когда со сцены раздавался умный смех Родона, когда в оперетке царила очаровательная, изящнейшая С. А. Бельская, и захватывала, покоряла голосом, силою, страстью В. В. Зорина.

И оперетка была шампанским.

Настоящим, французским шампанским. Хорошей марки.

Дававшим лёгкое, приятное опьянение.

А не той кашинской бурдою:

– Шампанское свадебное «Пли». Пробка с пружиной. При откупоривании просят остерегаться взрыва.

Которую, Горбуновским же языком продолжая:

– Не всякий гость выдержать может.

От которой только тошнота и пьяный угар.

Оперетка была остроумной без пошлости, пикантной без порнографии, изящной и весёлой.

Подмывающе весёлой.

Это было хорошее время, господа.

Мы были молоды. Россия была молода.

Всё у нас было новое.

Суд был:

– Новым судом.

Воинская повинность:

– Новой воинской повинностью.

Земства, городские думы – «новыми учреждениями».

Мы перешли жить в новый дом. Мечтали об «увенчании здания». Совершили «освобождение» у себя и освобождали других.

Бодрому времени – весёлые песни.

Остроумная, дерзкая оперетка во Франции хохотала над «священным» классицизмом, в столице белокурой прекрасной Евгении выводила на сцену белокурую Прекрасную Елену, и в «Разбойниках», на глазах у императора, женившегося на испанской графине, смеялась над «фантастическим» монархом, пожелавшим жениться:

– На испанке.

Мы переняли эту острую политическую сатиру просто, как весёлую песню.

Как маленькую «Марсельезу».

Россия вся была в обновках. Мы были молоды душой. И хотели слышать что-нибудь весёлое.

Привет вашей памяти, певшие весёлые песни в наше молодое, бодрое время!

Среди весёлых певцов Давыдов был самым весёлым.

Давыдов был, действительно, чарующим Парисом.

Я вижу его, на коленях, с фигурой молодого бога, с тонким профилем, с восторженными глазами, перед сбросившей с себя «лишнюю мантию» царицей, очаровательной царицей, Бельской.

Видел мрамор я плеч белэсне-э-э-эжных!

Какая увлекательная картина!

Какая красота!

Он был забавным бедняком Пикилло.

Ты не красив, о, мой бедняжка! —

почти с отчаянием поёт своим глубоким бархатным, полным страсти голосом Зорина:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.